

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт психологии

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Под редакцией
А. Л. Журавлева,
А. В. Юревича

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2015

УДК 159.9
ББК 88
В 40

СОДЕРЖАНИЕ

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

В 40 **Взаимоотношения исследовательской и практической психологии** / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 558 с. (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0307-5

УДК 159.9
ББК 88

Книга посвящена одной из наиболее острых проблем психологической науки и практики – проблеме взаимоотношений между ними. Авторы анализируют различные аспекты этих взаимоотношений – как когнитивные, связанные с психологическим знанием, так и социальные, коренящиеся в состоянии психологического сообщества. Выдвигаются и отстаиваются различные позиции в отношении влияния сложившихся взаимоотношений между исследовательской (академической) и практической психологии на развитие каждой из них. Книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются общие когнитивные и социальные проблемы взаимоотношения двух разделов психологии, во второй – их взаимодействие в конкретных областях психологического знания и социальной практики.

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект № 14-18-03271*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

ISBN 978-5-9270-0307-5

Часть I СОЦИАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

- А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич.* Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия) 7
- А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков.* Пути и принципы взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и практики. 18
- А.В. Юревич.* Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии. 70
- В.А. Мазилев.* Психология академическая и психология практическая, их соотношение: прошлое, настоящее, будущее . . 91
- Е.Ю. Пятаева.* Специфика знаний в практической и исследовательской психологии 146
- М.С. Гусельцева.* Культурно-деятельностная эпистемология как основание интеграции исследовательской и практической психологии. 179
- Т.Д. Марцинковская.* Вперед, в прошлое, или Снова о взаимосвязи теории и практики 214
- А.М. Двойнин.* Исследовательская и практическая психология: «схизис» или необходимый «люфт»? 229

Т. В. Зеленкова. Исследовательская и практическая психология: на пути от «схизиса» к «схезису» 265

Часть II

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В КОНКРЕТНЫХ ОБЛАСТЯХ ЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

О. А. Артемьева. Предыстория «диагонального разрыва»: уроки социальной истории психоанализа, педологии и психотехники в России 311

С. А. Богданчиков. Советская исследовательская и практическая психология 1920–1930-х годов (к историографии вопроса) 337

О. В. Ракина. Исследование и практика в профессиональной подготовке психологов (современные проблемы) 385

И. Н. Семенов. Взаимодействие исследовательской психологии и практического человекознания в изучении и развитии рефлексивно-творческого мышления и личности 416

Е. Л. Доценко. Межличностное общение: между обыденным опытом и научной методологией 465

Н. С. Шадрин. Дезинтеграция психологического знания как препятствие анализу отчуждения личности и поиску практических путей его преодоления 494

Т. В. Дробышева. Взаимодействие исследовательской и практической психологии в изучении конкретного социально-психологического феномена 538

Сведения об авторах 556

Часть I

СОЦИАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Н. С. Шадрин

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ АНАЛИЗУ ОТЧУЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ПОИСКУ ПРАКТИЧЕСКИХ ПУТЕЙ ЕГО ПРЕДОЛЕНИЯ

Человек не может быть то свободным, то порабощенным: он весь целиком и в каждый момент времени свободен – или он не имеет бытия вовсе.

Жан Поль Сартр

Черты дезинтеграции психологии, непроявленность и несоотнесенность подходов основных типов научной рациональности в психологических концепциях как их важный источник

Смысл вынесенного в эпиграф высказывания Сартра видится в том, что свобода (и отчуждение) личности могут мыслиться лишь как затрагивающие все «психические регионы» (термин Сартра) ее внутреннего мира, целостную, объемную картину которого мы и должны представить, если вообще хотим размышлять над этими проблемами как психологи. И любые проявления деинтеграции психологического знания на основе «безбрежно-плюралистического» умножения психологических концепций, которые, как предполагается, ухватывают то одну, то другую сторону мира личности, но даже не имеют в виду его целостную картину, являются препятствием для разработки, по меньшей мере, одной проблемы психологии – проблемы *отчуждения личности*. Все это отсылает нас к проблеме *кризиса психологии*.

Классическое *определение кризиса в психологии* было сформулировано в свое время Л. С. Выготским: «Отсутствие общепризнанной системы науки. Каждое изложение психологии у виднейших авторов построено по совершенно иной системе. Все основные понятия и категории психологии толкуются по-разному» (Выготский, 1982, с. 373).

Переживаемый нами этап кризиса находится, с одной стороны, в *отношении преемственности с периодом открытого кризиса*.

По А. Н. Ждан, «период „открытого“ кризиса прошел, это был важнейший этап в развитии мировой психологии, он охватывал годы с начала 10-х до середины 30-х прошлого, XX века... Я считаю, что такие факты, как раскол между академической наукой и практической психологией, а также сохраняющиеся различия в подходах к пониманию и исследованию психической реальности позволяют заключить, используя критерии кризисной ситуации Выготского, что психология продолжает находиться в состоянии кризиса, который находится в *преемственной связи с периодом открытого кризиса...*» (Ждан, 2010, с. 65; курсив мой. – Н. Ш.).

С другой же стороны, *современный этап кризиса имеет и свою специфику*. Тут можно оттолкнуться от периодизации этапов кризиса психологии, которую приводит И. А. Мироненко, опираясь на работы П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан и В. А. Кольцовой:

1. Период возникновения кризисной ситуации (третья четверть 1870-х годов–первое десятилетие XX в.);
2. Период открытого кризиса (начало 1910-х годов–середина 1930-х годов);
3. Период «затухания» борьбы школ (с конца 1930-х годов, окончание не определено) (Мироненко, 2012, с. 203).

Интересное, хотя и противоречивое представление о *специфике современного этапа кризиса* свойственно И. А. Мироненко. С одной стороны, она, как мы видели, присоединяется к точке зрения, что современный, третий этап кризиса характеризуется «затуханием борьбы школ», отмечая при этом и «нарастающий раскол между школами», их растущую индифферентность друг к другу (Мироненко, 2012, с. 204), т. е. их *несвязность*, что отлично от конфронтации в предшествующий период.

Поддерживая А. В. Юевича в том, что «когнитивные основания» для признания глубокого кризиса психологии отсутствуют (Мироненко, 2009, с. 126–127), автор в статье «Кризис психологии – системный или локальный?» приводит «в качестве основных „симптомов“ кризиса в часто цитируемой работе А. В. Юевича» (Мироненко, 2012, с. 201) уже перечень из семи его признаков; среди них ею выделяются и «онтологические» симптомы кризиса (противоречивость онтологической картины реальности, предлагаемой психологией), которые «проявляются в „расчлененности“ целостной личности и „недезьюнктивной“ психики» (Мироненко, 2012, с. 202).

Подходя к нашему пониманию современного этапа кризиса, отметим, что уже в 1920–1930-е годы произошло оформление *неклассической психологии* (одним из видных представителей ее был Л. С. Выготский), а затем, начиная примерно со второй половины XX в., началось становление *постнеклассической психологии*.

Особенность *современной фазы кризиса* связана с тем, что психология должна *интегрировать в едином, глобальном пространстве науки* те большие «психологические миры» (научные представления о внутреннем мире человека), которые соответствуют классическому, неклассическому, постнеклассическому и другим различающимся типам научной рациональности в психологии, сформировавшимся ранее или только начавшим свое формирование в настоящий момент. (Как мы увидим, всего этих типов четыре.)

Но все дело в том, что *научная рациональность четвертого типа (постнеклассическая), предъявляющая высокие требования к личностному фактору в психологии, но содержащая огромный интегративный потенциал, находится сейчас в состоянии достаточно болезненного становления*. А без ее участия «стереоскопического совмещения» картин внутреннего мира, релевантных упомянутым четырем типам рациональности, не получается, что и порождает *ситуацию безбрежного плюрализма малосовместимых концепций, моделей,ходов и т. д.* Многочисленные и фрагментарные по своему концептуальному охвату «миры» различных школ в психологии напрямую интегрировать нет особого смысла (они чаще уже не претендуют на общую картину психической реальности). Но и «миры парадигм» также не являются всеохватывающими «мирами» науки: по Т. Куну, парадигмы по-разному раскрывают *особенности лишь частных явлений в данной науке* – света в физике и т. д. Неслучайно сейчас обращаются скорее к «метадиграммам» (А. В. Юревич).

Еще одна сторона современного кризиса состоит *во взаимном отрыве академической и практической, прикладной психологии*, который зримо проявляется в области *психодиагностики*, практические приложения которой часто далеки от требований строгой науки.

Психологи-практики обычно не применяют методы матстатистики (дискриминантный анализ, дисперсионный анализ и т. д.), чтобы доказать на основе тестовых срезов, что после проведения серии тренингов уровень какого-то качества стал достоверно выше (или ниже) и т. д. Научное психодиагностическое исследование нередко подменяется (особенно представителями арт-терапии) *наскоро разработанными заданиями (типа рисунков на какую-то те-*

му), благодаря чему клиент якобы «может узнать о себе что-то новое» и т. п. (что, по сути дела, является рекламой возможностей самой арт-терапии). Но если уж *практические психологи* подчас обходятся методами, далекими от науки, то трудно говорить о проблемах строгой валидации тестов, определения их надежности и т. д.!

О ненормальном положении дел в психодиагностике, ее невысоком *научном* уровне красноречиво пишет Л. Ф. Бурлачук в своей статье «Психологические тесты в Украине. Причины затянувшегося кризиса». Автор не без горечи указывает, что сейчас у нас на практике речь идет «чаще всего не о тестах (полноценных. – Н. Ш.), а просто-напросто о переводах зарубежных тестов, об адаптации которых ничего не известно, а авторские права..., об этой мелочи просто забыли» (Бурлачук, 2012, с. 13).

Проверка валидности и надежности любых тестовых методик, как известно, *реализуема* с использованием методов корреляционного анализа. Процедура определения *внешней валидности* в принципе известна. Пусть у нас есть n показателей в группе из n человек, полученных по апробируемому тесту А и по другому, вполне валидному тесту В, измеряющему примерно *то же* качество. Занося показатели в таблицу, определяя соответствующие ранги и разности рангов, мы можем вычислить коэффициент ранговой корреляции Спирмена r между показателями тестов А и В. Если показатель r окажется значим, то существует достоверная положительная корреляция между параметрами тестов А и В, т. е. оба теста дают *похожую* картину. И, поскольку тест В валиден, то и наш тест А тоже будет *валиден* в смысле *внешней валидности*. Но можно также ставить вопрос о проверке *внутренней валидности* теста, его внутренней согласованности (см. об этом работы А. Анастаси – Анастаси, Урбина, 2002), что также реализуемо. Аналогично проверяется и *ретестовая надежность* теста.

Вывести психодиагностические методы (массово «скачиваемые» сейчас из Интернета с некоторым даже азартом!) на научный уровень мешают и проблемы с поиском организационных форм проведения *массового психодиагностического обследования* (хотя бы в условиях школы) с целью валидации тестов. Как известно, в странах Евразийского союза общеобразовательная школа не может распорядиться средствами, которые она могла бы выделить на научные исследования (хотя бы на базе заключения хозяйственных работ с вузовскими центрами или лабораториями). Правда, в Казахстане, *Назарбаев Интеллектуальные Школы* (НИШ) такой возможнос-

тью располагают, но только с согласия центрального аппарата НИИШ в Астане, который идет на это несколько неохотно. Все это усугубляет отрыв психодиагностики в ее прикладных аспектах от тех требований, которые соответствуют параметрам строгой науки.

2. Характеристика четырех типов научной рациональности в (системе психологического знания) в психологии и проблема их дополнительности

В целом мы, отталкиваясь от работ В. С. Степина, Л. А. Никитич, М. К. Мамардашвили и других авторов, выделяем следующие четыре типа научной рациональности или научной культуры: 1) классическая рациональность; 2) рациональность, основанная на принципе эволюции и развития; 3) неклассическая; 4) постнеклассическая рациональность. Все они *предлагают свою картину мира*, включая картину внутреннего мира человека, но способ их «стереоскопического», «объемного» *совмещения*, в принципе возможного в настоящий период, задан именно в *постнеклассической перспективе*, что значимо в поиске путей «интеграции» психологического знания (А. В. Юревич, В. А. Мазиллов, В. В. Козлов).

Классическая, «ньютоновская» научная рациональность предполагает идею *универсального, абсолютного, однородного мира-пространства*, что выливается в декартовский *параллелизм* двух самодостаточных миров – субстанции протяженной (на базе которой мы можем объяснить телесные, рефлекторные акты поведения человека) и субстанции мыслящей (на ее основе объяснимы свобода души и аспекты ее самодерминации, в силу которых сознание познается из самого себя). Иногда (у Лейбница) этот параллелизм обретает более мягкие формы «предустановленной гармонии» между миром телесной жизни (основанной на законах действующих причин) и миром душевной жизни (основанной на законах конечных причин телеологического характера), в чем видно тяготение к идее универсального, абсолютного пространства.

Достижением классической методологии являются весомые попытки осмысления сущности *пространства* не только с математической и физической точки зрения, но и с *общепсихологических* позиций. Лейбниц определял пространство как «порядок сосуществований» явлений в отличие от времени как «порядка их следования» (Лейбниц, 1982). Все это стимулировало представление о том, что пространство в его общем виде есть некое относительно регулярное,

упорядоченное (по какому-либо закону) множество «сопряженно существующих» объектов любой природы, в силу чего 3-мерность не выступает уже его абсолютной характеристикой.

Второй тип научной рациональности, по Л. А. Никитич, основан «на принципе эволюции и развития» (Никитич, 2008, с. 232) и вычленяется с позиций скорее *временной*, а не *пространственной* парадигмы научного знания (соответственно, картины мира, включая внутренний мир человека), довольно четко различаемых, в частности, у А. Дугина (Дугин, 1999).

В целом рациональность второго типа (Дж. Вико, Ч. Дарвин, Г. Спенсер и весь английский эволюционизм, гегелевские и марксистские концепции развития общества и т. д.) правильно вскрыла *неравномерность и неоднородность времени* развития систем (биологических, социальных и других), делая упор в своей картине мира на *временную* составляющую. Отсюда идея «историчности законов», смены эволюционного и революционного, скачкообразного пути развития, когда определенную роль может играть и прогнозирующий разум субъекта. В то же время классический взгляд на *пространство* как нечто *достаточно однородное* (служащее скорее фоном для различных исторических, временных трансформаций Системы) тут в какой-то мере сохраняется – основа чрезмерного универсализма гегелевских и марксистских концепций! Эволюция индивидуальной психики, сознания тут связывается с эволюцией более глобальных систем – приспособительных форм поведения в животном мире, социальной жизни и т. п. Но применительно к психике человека здесь возникает ряд противоречий (см., например, «теорию двух факторов»).

Л. С. Выготский, сформировавшийся как ученый в недрах рациональности второго типа, сумел найти новый ориентир, приведший к появлению *неклассической психологии*. Он «сделал шаг вперед по сравнению с Марксом, говоря не просто о «производстве» сознания, а четко выделяя два масштабно различных мира: «большой» мир культуры и «малый» психологический мир личности, связанные отношениями интериоризации/экстериоризации» (Шадрин, 2012, с. 114). Их несопоставимость по своим масштабам ведет к признанию свободы («неопределенности») поведения индивида, «ориентированного» культурой.

К числу создателей неклассической психологии Д. А. Леонтьев верно относит и одного из представителей экзистенциального психоанализа Л. Бинсвангера. При этом экзистенциалистская версия

неклассической психологии также постулирует наличие взаимосвязи двух различных по масштабам человеческих миров – локального мира «фактического» существования индивида и глобального бытия, единство которых достигается через трансценденцию, реализующуюся в экзистенциальных переживаниях, ценностях и т. д.

Первая основная характеристика *постнеклассической научной рациональности* – переход к познанию «глобальных объектов» (В. С. Степин, Л. А. Никитич и др.). В нашем понимании, она связана с постижением огромной структурной сложности, «многомирности» и «многопространственности» мира в современном естественно-научном, социальном и гуманитарном познании.

По Л. А. Никитич, объектом *постнеклассической науки*, с середины XX в. впервые стали вся Земля, все живое (биосфера), Вселенная в целом и т. д.; т. е. это то, что относится к проблемам глобальной экологии, новейшей космологии и других наук. (Здесь можно вспомнить и компьютерные модели «Мир-1», «Мир-2», «Мир-3» Римского клуба футурологии.) Глобальный характер объекта культурологии, справедливо относимой М. С. Гусельцевой к числу *постнеклассических дисциплин*, сейчас также не подлежит сомнению.

К таким *глобальным*, структурно сложным и «многомирным» объектам можно отнести и социокультурное Бытие человека (как мир бесконечного числа социокультурных миров разного уровня и масштаба), давно уже «стоящее под вопросом». За его сохранение (как и за его *подлинность*) по-своему ответственна и психология (как и педагогика и психотерапия!).

Введение аксиологических (ценностных) факторов в объяснительные модели (Л. А. Никитич) – это второй из основных признаков *постнеклассической науки* (Никитич, 2008, с. 234). Он едва ли не единственный, признаваемый большинством авторов.

Согласно Т. В. Корниловой и С. Д. Смирнову, «внесение ценностного компонента в психологические теории отражает не столько специфику гуманитарной парадигмы в психологии, сколько связь их с общим изменением подходов к пониманию человека и его места в мире в период *постнеклассической науки*...» (Корнилова, Смирнов, 2011, с. 429–430).

Как говорил Ф. Кастро, «в душе каждого из нас живет история». История (культуры, науки) живет и в каждом из течений, направлений современной психологии – в том плане, что одни из них сохраняют связь и преемственность с классической научной рациональностью, другие – с неклассической и т. д. Оседая в разное время

в *устойчивом пространстве науки* (это понятие на самом деле является достаточно сложным для понимания), развиваясь в нем далее, они продолжают определенным образом сосуществовать, а иногда и отсылать (апеллировать) друг к другу. Они не самодостаточны и в то же время в чем-то самодостаточны, что порождает противоречия, разрешимые на базе того же *принципа дополнительности*.

Нужно сказать, что современные историки психологии не сделали почти ничего для *детального анализа* различных психологических концепций в аспекте того типа научной рациональности, в недрах которого они сформировались.

Обычно упоминается, что вся классическая «психология сознания», начиная с Декарта и Спинозы и продолжая Локком, Лейбницем и т. д., по сути дела, опирается на идею абсолютного пространства (именно Декарт разработал представление о 3-мерной системе координат, описывающей такое пространство). Но кто из *историков психологии* анализировал все перипетии теоретического хода мысли хотя бы указанных авторов с позиций установок классической науки? Значимым был бы и *детальный метаанализ* бихевиоризма и когнитивной психологии в аспекте классической научной традиции (к которой их обычно относят), культурно-исторической психологии – в аспекте неклассической и т. д.

Почти в зародыше находится и разработка вопросов *интеграции* типов научной рациональности в психологии. Идеи *постнеклассической психологии* пока не могут достаточно непротиворечиво раскрыть и вписать в *единую* классическую и неклассическую картину психической реальности. Это чем-то напоминает случай, когда мы одну из линз стереоскопа, предназначенных для рассматривания стереопары, поцарапали и заляпали, а вторую вообще разбили, а потом еще удивляемся, почему у нас не получается «объемного видения» реального объекта, изначально фиксировавшегося на этих слайдах!

Великие объединители физики были заняты объединением не «традиций школ», а перспективных научных идей, отыскивая их повсюду и двигаясь в направлении синтеза классических представлений и зарождающихся неклассических (сейчас же формируются *постнеклассические представления*). Так, один из создателей квантовой механики Нильс Бор сначала проходил стажировку в Кембридже (в свое время там работал Исаак Ньютон), в лаборатории Дж. Дж. Томсона (одним из ее сотрудников был и знаменитый Кельвин), затем наступил Манчестерский период его творчества (школа Резерфорда). Однако при создании своей квантово-механи-

ческой модели атома Бор опирался не только на частные наработки этих школ, но привлекал идеи Макса Планка (Берлинская школа и т. д.) (Данин, 1973).

В начале XX в. физика подошла к осмыслению различных срезов самой физической реальности. И здесь встала задача объединения классической физики, справедливой для масштабов макромира и относительно малых скоростей, и физики неклассической (квантовая механика, раскрывающая механизмы взаимодействия вблизи планковских масштабов расстояний, и специальная и общая теория относительности, применимые в области субсветовых скоростей и высоких гравитационных потенциалов и ускорений).

Приходится только сожалеть, что давно нет историков психологии масштаба с М. Г. Ярошевского, уделявшего серьезное внимание формированию базовых психологических категорий (мотив, образ, действие, общение и т. д.), а также трансформации стилей мышления на протяжении истории и предыстории психологии. Отсутствие должной философско-методологической культуры у значительной части современных психологов, их неспособность глубоко понять особенности картины мира (как мира вообще, так и мира личности), которые предполагает классическая, неклассическая и все иные типы научной рациональности, является немалым тормозом в интеграции психологического знания.

В целом в соответствии с представлениями классической психологии мир-пространство человека есть нечто абсолютное, гомогенное, универсальное, а по теории психологии неклассической (в той или иной форме) выделяются два уровня мира личности (микроуровень и макроуровень).

Постнеклассическая же психология, находящаяся сейчас на стадии довольно болезненного становления и роста, исходит из понимания мира личности и как «мира многообразных культурно-ментальных миров». В эти культурно-ментальные миры и включается поэтапно личность в своем активно-деятельном существовании, начиная от наиболее локального мира ее семьи, «малой родины» и кончая наиболее глобальными – этническими мирами и мирами цивилизаций. В конечном счете здесь происходит выход на систему общечеловеческих ценностей как универсальных измерений культурно-ментальных человеческих миров. Оба указанные выше аспекта постнеклассической методологии (переход к познанию глобальных объектов и введение ценностей в состав объяснительных моделей) тут взаимосвязаны и предполагают друг друга.

Часто говорят, что неклассическая психология в отличие от классической усилила значимость субъективного фактора в исследовании и лежит чуть ли не в основе все того же «методологического плюрализма». Но если с первым утверждением еще можно согласиться, то второе в принципе неверно, так как неклассическая психология (например, Л. С. Выготского) «стремилась к монизму» (М. С. Гусельцева).

В постнеклассической психологии роль субъективного фактора едва ли не возрастает, ибо здесь признается, что сам психолог должен обладать какими-то ценностями (в том числе профессиональными и иными) хотя бы тогда, когда говорят об «этике практического психолога».

Мотивы-ценности (не только профессиональные или этические!) предполагают (в отличие от распространенных простеньких потребностей) особую ответственность личности в контексте утверждения «бытия-события» (М. М. Бахтин) с другим человеком (хотя бы с клиентом и т. д.), ибо имеют «характер принципов», генерализованных мотивов-смыслов (Д. А. Леонтьев), а также «идеалов» и т. д. (последняя идея восходит к А. Ф. Лазурскому).

В. Н. Дружинин считал, что вообще исследователей с профессиональной ценностной мотивацией ученого (нацеленность на познание истины и т. д.) сейчас не более 0,1% (Дружинин, 2000, с. 30–31). (А. Маслоу же указывает на 1% ценностно-ориентированных личностей в составе населения; надо полагать, среди ученых этот процент не выше!)

Нередко деятельность психологов пересекается или сопрягается с обоснованием и распространением какой-то идеологии, различных политических догм, симулякров и т. п. (и не только в публикациях, но даже в ходе тренингов, что, по идее, запрещено кодексом этики практического психолога), это никак не нацеливает их на позитивные, гуманные ценности. В потребительской ориентированности мотивации психолога (особенно практика) повинен не только пресловутый фетишизируемый сейчас «рынок», не отвечающий жизненным основаниям евразийской цивилизации (по А. Дугину, в Евразии нужна «экономика с рынком, но не рыночная экономика»). Отчасти важно и то, что проблема ценностей в советский, «материалистический» период отторгалась чисто идеологически (их «заместителями» были духовные потребности), что не могло остаться без последствий и для психологов.

Постнеклассическая наука предполагает, как мы видели, введение аксиологических (ценностных) факторов в объяснительные

модели, а наличие ценностей как мотивов личности самого психолога (по крайней мере, исследователя) в данном случае как будто не предполагается.

Посмотрим сначала, что на деле означает включение ценностей в объяснительные модели хотя бы в сфере глобальной экологии (типично постнеклассической наука, наряду с культурологией, на что правильно указывает М. С. Гусельцева!). Ученый-эколог здесь не может заниматься просчитыванием всех возможных вариантов развития экологической ситуации на планете (число их бесконечно); чтобы придать исследованию какую-то направленность, он должен исходить из определенных ценностных постулатов: ценность сохранения всего живого на планете, видового биомногообразия и т. д. (что имеет значение даже для развития познавательно-эстетической сферы подрастающего поколения) – и под них «затачивать» свое исследование. Ясно, что эти ценностные постулаты лежат в основе его собственной творческой деятельности и придают ей смысл.

Что касается психологии, то здесь во многом права Т. В. Корнилова: «Если ценностное предосмысление воссоздаваемой ситуации (курсив мой. – Н. Ш.) позитивно трактуется применительно к психотехническим практикам, то остается непонятным, почему это должно трактоваться негативно... применительно к исследовательской процедуре в научной психологии» (Корнилова, 2009, с. 121)

Выстраивание уровней мотивации в рамках модели личности (типа «пирамиды» А. Маслоу и т. д.) должно включать ценностный уровень как один из высших уровней хотя бы потому, что практика, основанная на подобной модели, имеет своей интенцией возвышение мотивации клиента «по направлению к» этому ценностному уровню, не оставляя человека на стадии мотивов-влечений, «стремления к удовольствию» и т. п. Ибо это стадия не содействует реализации смысла жизни, порождая экзистенциальный вакуум (В. Франкл) и пр. Но в таком случае и сам автор подобной модели должен иметь опыт ценностной регуляции поведения, что позволит ему опираться на метод самонаблюдения, а также широко подключать свою «ценностную интуицию» (Макс Шелер) уже на этапе «предтеории» (В. А. Мазилев).

Но и психолог, работающий с клиентом, в силу сказанного должен опираться на модель личности, в известной мере венчающуюся ценностным уровнем; ему также нужен опыт личностных проявлений тех или иных ценностей хотя бы для того, чтобы результативно возвышать самого клиента «по направлению к» ценностному уров-

ню (плодотворному для развития последнего и решения его личностных проблем, включая варианты само-отчуждения и т. д.) в ходе доверительного, открытого диалога.

Отмечают слабую реализованность в работе практического психолога и такого регулятива его деятельности, как «культурная толерантность» (Г. С. Абрамова), не сводимую к тому, чтобы говорить «с любым человеком, даже с сантехником, на его языке». Она упирается в наличие (опять же проблематичное) у психолога все тех же общечеловеческих ценностей, с «позиций» которых и возможна подлинная толерантность!

Подспудно осознаваемое многими современными психологами-консультантами отсутствие высоких гуманных ценностей, призванных обеспечить и должный минимум ответственности при воздействии на клиента, их, как правило, не особо смущает, ведь при необходимости все можно заменить «высокой фразеологией». Они могут сказать, что у них существуют (помимо нескрываемой потребности заработать деньги в духе рыночных идеологов) «какие-то свои» идеалы и ценности, что такое их понимание ценностей базируется на таких-то концепциях (а их всегда можно найти в безбрежно-плюралистическом потоке современных публикаций).

Термин «общечеловеческие ценности» или, что почти то же самое, «духовные ценности» (поскольку «дух», как говорил Гегель, есть «всеобщее») выражает, в терминологии Э. В. Ильенкова, не «формально общее» (формально общее всем людям), а именно *всеобщее*, т. е. то, что способно опосредствовать и разрешать противоречия человеческой жизни в любых ее социокультурных и исторических формах! Сартр отмечал: «Я могу знать ценность благородства по одному благородному поступку»; при этом благородство признается ценностью людьми разных культурных ориентаций и разного уровня развития (большинство тех, у кого ценности как мотивы их поведения отсутствуют, фактически все же как-то признают те или иные ценности как нечто «священное, абсолютное, вечное» и т. д.).

Некоторые современные психологи, не умея ухватить суть феномена ценностей, стараются сам термин «ценность» заменить каким-либо другим или подать его в сочетании с другими терминами (тесты на «ценностные ориентации» М. Рокича и Ш. Шварца, в которых фигурирует представление о каких-то «ценностях-средствах» и т. п.). Однако верхом научной недобросовестности и неуважительного отношения к классикам психологии является наличие (и, что удивительно, беспрепятственное использование академичес-

ким сообществом!) некоего «теста на самоактуализацию», хотя сам А. Маслоу говорил, что самоактуализирующихся (а значит, и ценностно-ориентированных) личностей – не более 1% в составе населения. Признать какой-то «формализованный тест» для выявления таких личностей – это все равно, что намереваться ловить несколько песчинок, плавающих в водоеме, зачерпывая воду кружкой! К тому же идеология любого теста-опросника как количественного метода предполагает наличие исследуемого качества у *всех* людей (хотя бы минимальной мере), а также процедуру усреднения показателей с целью нормировки теста и т. п. Было бы еще понятным, если бы авторы «теста на самоактуализацию» и те психологи, которые его широко (и, пожалуй, довольно бездумно) применяют, опровергли бы общую концепцию самоактуализации у А. Маслоу (однако они на нее как раз «опираются»!).

Кстати, в этом ряду лежит и осмысление психологом Н. С. Пряжниковым (его анализ проблемы отчуждения труда нам близок) в качестве общечеловеческих ценностей... денег! Не без некоторого торжества этот автор пишет буквально следующее: «И все-таки можно выделить ценность, на которую ориентируются большинство людей... – это *деньги и, прежде всего, доллары*» (Пряжников, 2000, с. 82).

Другие авторы, ничтоже сумняшеся, сводят *общечеловеческие* ценности... к биологическим потребностям. Очевидно, для подобных авторов идея М. С. Кагана о том, что *ресурсы, средства никогда не могут быть ценностями* (см. его работу «Философская теория ценности»), осталась тайной за семью печатями; а о реальном значении знаменитой «пирамиды» мотивов А. Маслоу, где на первом уровне мотивации находятся физиологические потребности, а на пятом, самом высшем, – ценности, они как-то не задумывались.

Но несформированность ценностной сферы мотивации у психологов-практиков и раскрытая нами неадекватность понимания ценностей у многих психологов-исследователей вовсе не дают оснований И. А. Мироненко говорить о каких-то «сказках об общечеловеческих ценностях». Очевидно, сама И. А. Мироненко в своих утверждениях берет за основу некорректное, как мы видели, понимание ценностей у М. Рокича и Ш. Шварца, что видно из такой ее фразы: «Сама психологическая наука... разнородна в отношении ценностных ориентаций (ценностных ориентаций или ценностей? – Н. Ш.), как терминальных, так и инструментальных» (Мироненко, 2009, с. 128; курсив мой. – Н. Ш.).

Итак, фактически мы наблюдаем ситуацию, когда ценности если и включаются (иногда) в содержание личностной сферы психологов-практиков, а также в содержание теоретических моделей (построений) психологов-исследователей, то это происходит чаще в форме каких-то паллиативов; понятно, что такая якобы «ориентированность на ценности» лишь углубляет деинтегративный кризис психологии.

3. Попытки построения общей многоуровневой модели внутреннего мира человека и его отчуждения на базе синтеза подходов четырех типов научной рациональности в психологии

Попытки построения *единой, многоуровневой модели внутреннего мира человека* смогут содействовать не только разработке модели отчуждения (о чем ниже), но и преодолению *еще одного симптома разрыва между академической психологией* и такой отраслью практической психологии, как *психодиагностика*. Ведь важной задачей психодиагностики является разработка *совместно с общей психологией* (как академической дисциплиной!) *учения о том, что вообще мы можем предметно изучать в психике человека*. Поэтому должно наблюдаться *соответствие* между *общепсихологической трактовкой компонентов структуры внутреннего мира человека*, с разных сторон постигаемого в различных типах научной рациональности, и структурой устойчивых параметров психики, измеряемых (или просто выявляемых) *в психодиагностике*. (Отметим, что в психологии неслучайно вводится термин «измерение по определению».)

Одно из представлений структуры психической реальности в общей психологии связано с тем *многоуровневым членением мира человека*, который уже утвердился в *общей психологии* благодаря достижением антропологического подхода (Б. Г. Ананьев, его ученики и последователи).

В частности, можно выделить три уровня мира человека – *мир индивида, мир субъекта и мир личности* (В. И. Кабрин, Н. С. Шадрин), единство которых соответствуют *постнеклассическим представлениям* о мире человека как «мире миров».

Настоящий психодиагност должен быть *стратегом*, не идущим на поводу у автора теста, умеющего выявлять (измерять) «что-то такое, что известно только ему одному». С учетом многоуровневого

строения внутреннего мира человека он должен, к примеру, понимать (и на этом мы акцентируем особое внимание в читаемом нами курсе психодиагностики), что каждая базовая (и не только базовая) детерминанта психики, измеряемая в аспекте ее устойчивых свойств, *по-разному выражается на уровне мира индивида, субъекта и личности*. Он должен четко понимать, что такие вычлененные еще М. Г. Ярошевским, А. В. Петровским и В. А. Петровским базовые детерминанты психики, как *мотивы, образы, формы общения, деятельности*, – это *каждый раз иные* мотивы (соответственно, образы, формы общения, деятельности), когда они проявляются на уровне *мира индивида, мира субъекта и мира личности*, что можно наглядно представить в виде таблицы (см. таблицу 1).

Так, если мы изучаем какими-то психодиагностическими методами *общение как взаимодействие* двух индивидов в их совместно-разделенной деятельности, то это будет скорее «Общение 2» (общение на уровне субъекта деятельности), а если речь идет о духовном или игровом общении (по А. Б. Добровичу), то это будет уже, по всей видимости, «Общение 3» и т. д.

Психодиагност не должен абсолютизировать *средства исследования* (имеющиеся тесты и т. д.), превращая их в некие самодевулирующие ценности (ценностей-средств не существует!), а мыслить *стратегически*, исходя из многоуровневой структуры самой психической реальности и *подбирая или вновь создавая* под каждую форму психики необходимые средства исследования.

При этом может оказаться, что для *выявления каких-то параметров внутреннего мира человека*, например, высших мотивов личности (ценностей и т. д.) *формализованных тестовых методик не существует или даже не может существовать в принципе* (см. выше). В этом случае надо обращаться к другим методам (наблюдение,

Таблица 1

Различия базовых психологических детерминант мира человека на разных уровнях человека как субъекта жизни

Уровни активности субъекта жизни	Характеристики психологических детерминант мира человека на каждом из уровней его активности как субъекта жизни			
	Мотивы 3	Образы 3	Общение 3	Действие 3
Личность	Мотивы 3	Образы 3	Общение 3	Действие 3
Субъект (деятельности)	Мотивы 2	Образы 2	Общение 2	Действие 2
Индивид	Мотивы 1	Образы 1	Общение 1	Действие 1

углубленный диалог, самонаблюдение и т. д.), а не волюнтаристски «переопределять» понимание данных параметров, стремясь, к примеру, непременно создать какой-то свой «тест на ценности» и т. п. Абсолютизация психологами исследовательских средств негативно оценивалась еще А. Маслоу.

Большая значимость анализа *категории мира человека (личности)*, *выявления его психологической структуры* связана с тем, что в некоторых учебниках психологии, а также у современных авторов (В. А. Мазилев) психология определяется как наука о «внутреннем мире» человека. Последний мыслится не в ключе идеи «подкожного человека» (обоснованно критикуемой В. Е. Ключко), а как *мир сущностно присущих человеку детерминаций*, связанных с регуляцией его жизнедеятельности и не доступных *внешнему* наблюдению и восприятию.

Проблему мира человека глубоко затронул еще С. Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир», где в контексте «онтологии человеческой жизни» были раскрыты различные аспекты и уровни включенности человека, его сознания в окружающий мир (Рубинштейн, 1973, с. 255–385). В плане развития антропологического подхода в психологии В. И. Кабриным были вычленены такие системные уровни мира человека, как *мир организма, мир индивида, мир субъекта* и, наконец, *собственно мир личности* (Кабрин, 2010). Проблематика «образа мира» (как важной составляющей мира личности) исследовалась в ключе идей незаконченной работы А. Н. Леонтьева «Образ мира» его последователями К. Э. Фабри и С. Д. Смирновым; последний связывал образ мира даже с *объектом психологии*. «Диалогическая», коммуникативная составляющая мира личности, понимание его как «мира миров» в определенной мере находилась в поле внимания не только упомянутого В. И. Кабина, выдвинувшего идею «транскоммуникации» миров, но и в работах В. А. Мединцева (Мединцев, 2011), И. Б. Котовой и др. При этом И. Б. Котова раскрывала такие *топологические характеристики* «психологического пространства личности», как открытость другим мирам или, наоборот, наличие у него фиксированных границ и т. д. (Котова, Канаревич, 2011, с. 142–148).

С. Л. Рубинштейн пронизательно указывал, что «бытие выступает как „мир“, если рассматривается общающаяся друг с другом совокупность, система людей и вещей, совокупность вещей и явлений, соотношенных с людьми» (Рубинштейн, 1973, с. 295). При этом каждый из уровней бытия «характеризуется по-разному в пространстве,

времени и т. д.». Так, по Рубинштейну, речь может идти о *мирах-пространствах физико-химических процессов, организмов, человеческой жизни*. Такое же членение «относится и к детерминации, которая имеет свою качественную специфику применительно к разным уровням бытия» (Рубинштейн, 1973, с. 295).

Поэтому «мир» (в любой его форме) выступает как *пространство событий, в основе которого лежат детерминации определенного типа*.

Уже в классической физике мир понимается как *пространство событий*, таких, как ускоренное или равномерное движение, соударение тел и т. д., которые наблюдаются нами в 3-мерном пространстве (в корректно зафиксированной декартовой системе координат). Определение мира в классической физике Ньютона звучит (в современной терминологии) так: «Мир – это четырехмерное аффинное (однородное, сходственное. – Н. Ш.) пространство A^4 . Точки A^4 называются *мировыми точками* или *событиями*. Параллельные переносы мира A^4 образуют линейное пространство R^4 ». В этом контексте «время – линейное отображение $t R^4 R$ линейного пространства параллельных переносов мира на вещественную „ось времени“... Множество событий, одновременных друг с другом... называется пространством одновременных событий A » (Арнольд, 1989, с. 13). Понятие 3-мерного пространства одновременных событий предполагает идею «мгновенной передачи сигналов» в масштабах Вселенной, в чем, как известно, усомнился Эйнштейн (Эйнштейн, 1965, с. 393), введший представление о 4-мерном *пространстве-времени* событий, где скорость передачи сигналов конечна (не превышает скорость света).

При этом уже в физическом мире сам характер базовых детерминант наблюдаемых (изучаемых) событий зависит от пространственных характеристик этого мира и немаловажен без их учета. («Геометризация» физических закономерностей.) Так, при переходе к пространствам *больших размерностей* (4-мерное пространство Калуцы–Клейна и т. д.) те же гравитационные силы, а также кулоновские электростатические силы «быстро убывают с расстоянием» (Дубровский, 1991, с. 85). По сути дела, характер действия этих детерминант в таких мирах-пространствах иной, чем в привычном нам 3-мерном мире (они не подчиняются закону тяготения Ньютона или закону Кулона в их обычной формулировке).

Подчеркнем, что характер течения времени является скорее вторичной характеристикой той или иной разновидности мира-

пространства. Согласно Ю. Фрейзеру, характер течения времени на разных уровнях бытия (характер темпоральностей) задается характером соответствующих «умвельтов» (пространств). Впрочем, даже на уровне обывательского понимания время трактуется в теории относительности как «четвертое измерение» (*измерение* есть характеристика *пространства*).

Итак, и классическое, и неклассическое понимание мира содержит идею понимания его как *пространства детерминаций* определенного типа, на основе которых разыгрываются соответствующие события и процессы.

Что касается *мира человека (личности)*, то он выступает для психологии как *особое пространство, в котором разворачиваются события определенного типа (изучаемые нами психологические «события» или явления) на базе «разыгрывания» соответствующего типа детерминант*.

При этом к числу базовых детерминант психического можно отнести, по М. Г. Ярошевскому (впоследствии в этом вопросе к нему присоединились также А. В. Петровский и В. А. Петровский), *мотивы, образы, формы общения и деятельности*, которые нашли отражение в соответствующих категориях психологии, сложившихся на протяжении всей ее истории (Ярошевский, 1985).

Об особом статусе понятий *индивида, субъекта и личности* речь пойдет далее. Но сразу подчеркнем, что индивидуальная жизнь человека реализуется в более широком контексте «жизненного мира» («жизненного пространства», вариантом чего является «социальное пространство», по К. Левину), в силу чего возникает зависимость решений, принимаемых на уровне индивида, субъекта и личности от более широкого мира-пространства осуществления человеческой жизни (от ее жизненного мира), а не только от детерминаций «психологического» плана. Таким образом, мир индивида, субъекта и личности выступает двояко – как пространство психологических детерминаций и как «жизненный мир», лежащий в основе позиций индивида, субъекта и личности, не сводящихся к психологическим зависимостям и детерминациям и, более того, в чем-то определяющих их характер.

Как же можно обозначить специфику трех указанных уровней *индивидуальной жизни – индивида, субъекта и личности?*

Говоря кратко, *индивид* – это человек как природно-биологическое существо (человек в его потенции), *субъект* – «активно-действующее» (носитель и «реализатор» форм внешней или внутренней

деятельности), *личность* – социальное и в какой-то мере «онтологическое».

Личность по сути представляет собой форму активно-деятельного существования (в снятом и преобразованном виде содержащую и активность на уровне индивида, и активность на уровне субъекта), несущую потенцию активного включения (интеграции) в многообразное социальное бытие (опосредствованного миром предметной культуры). Иначе говоря, она представляет собой форму существования, «повернутую» (на уровне своих смыслов и реализуемых жизненных «проектов») к различным формам социального бытия, способную, идя как бы «изнутри самой себя», ответственно и со-участно решать его проблемы и задачи. (Отметим, кстати, что субъект, как верно указал А. С. Арсеньев, соотносим с объектом, а не с бытием в целом.)

Личность, как известно, не есть чисто психологическое образование, она имеет важные социальные аспекты, в той или иной форме раскрытые в психологии в советский период, а также «онтологические», связанные с включением активно-деятельного существования личности в бытие, что акцентировалось в экзистенциальных и гуманистических подходах.

В этом связи довольно удачным является определение сущности личности (или «человеческой реальности») у Хайдеггера и Сартра как «онтико-онтологической». Но определенной ошибкой экзистенциалистов был недоучет многоуровневости бытия, представление о нем как о «бытии вообще». (Он преодолен у С. Л. Рубинштейна в намеченной им концепции многоуровневого членения бытия; в частности, он ведет речь о таких уровнях бытия, как *бытие физико-химических процессов, организмов, человеческой жизни (социальное бытие)* (Рубинштейн, 1973, с. 295).

Но именно (и только) на уровне личностного активно-деятельного существования возникает потенция активного (со-участного) включения в социальное бытие, и только затем эта позиция ставит вопрос об определенном отношении человека к нижележащим уровням бытия. (Проблема сохранения бытия на уровне живой природы, которому может угрожать техническая активность человека, катастрофа атомной мировой войны и пр.). «Раскультуренный» и асоциальный индивид не может достичь (пусть даже «внутри психики») никакого «бытия-в-мире»! «Дионисийское» ощущение непосредственной, природно-телесной связи человека (фактически как индивида) с миром природного бытия в определенной мере ложно, ибо

предполагает все же опору на мир культуры (на многообразие форм эстетических переживаний и т. д.).

При движении от индивидуальных детерминаций, зависимостей к субъектным, а затем к личностным *нарастает мера человеческого в человеке* (В. И. Кабрин, Д. А. Леонтьев), поэтому В. И. Кабрин и говорит об «антропологической судьбе субъекта»: мир субъекта, с одной стороны, базируется на мире индивида, с другой – венчается миром личности. Но дело не только в «снятии» высших миров в низших (подход рациональности второго типа), ибо, сложившись, они продолжают *со-существовать, взаимодействовать и отражаться друг в друге* (идея холона В. И. Кабрина, 2010).

Проблема субъекта (мира субъекта) широко изучалась уже в классической психологии, для которой «субъект дан изначально» (В. П. Зинченко), а далее и в неклассической. Весьма широко разрабатывалась она и в учениях, основанных на научной рациональности второго типа (социально-исторической, эволюционистской), например, у Канта, а также у Фихте, раскрывшего диалектику субъекта и объекта, Я и не-Я и т. д.

Кстати, в статьях Д. А. Леонтьева, где рассматриваются различные стадии (или «логики») развития личности, *субъектный уровень* психики человека в явном виде почему-то не вычленяется; развертывание «логик поведения», по-видимому, рассматривается на личностном уровне («мультирегуляторная модель поведения личности»), где первому уровню соответствует «логика удовлетворения потребности», а седьмому «логика действий, согласно сути вещей» (Леонтьев, 2010, с. 128). И. А. Мироненко же уделяет анализу и субъекта, и личности равное внимание (Мироненко, 2010).

В определенных аспектах, условиях, масштабах мир человека (и его внутренний мир) действительно является миром субъекта, преобразующего предметный, культурный мир в соответствии с определенными целями; и здесь введение ценностей как объяснительного механизма психики и сознания отнюдь не обязательно.

Конечно, та же психология восприятия (соответственно, категория образа) в каких-то аспектах должна разрабатываться на базе анализа личности, ее уникальности, ее ценностей и т. д. (В. А. Барбанщиков), но, очевидно, значимо, к примеру, и изучение (тем более при широком распространении 3D-технологий!) *общих механизмов стереоскопического зрения*, которые включают человека в 3-мерное физическое пространство и обеспечивают существенные моменты его *субъектной активности!*

Несформированность или неполноценная сформированность этих механизмов у наших детей, увлекающихся гаджетами и компьютерами, которые видят мир уже во многом плоским (что можно выявить чисто экспериментально), является важной педагогической проблемой, которую надо решать с учетом субъектных, предметно-деятельностных аспектов восприятия. Конечно, для проведения таких исследований нужна приборная база (наличие хотя бы стереоскопа, изготовление которого для наших университетских лабораторий составляет проблему); но «воспарение» к личностно-уровню восприятия эту проблему никак не решает.

В целом на уровне *мира субъекта* могут исследоваться (в рамках психологии труда) формы мотивации, соответствующие социальным *требованиям* видов профессий; в рамках профессионального консультирования подростков и юношей могут изучаться интересы и склонности старшеклассников к различным видам профессиональной деятельности и т. д. Педагогическая же психология может выявлять различные психологические аспекты педагогической деятельности, спортивная психология – спортивной и т. д. Ясно, что *практическая значимость* психологии в целом несводима к решению задач «практической психологии»!

Неизвестно, по каким причинам, но практическая психология стремится оказывать групповое или индивидуальное психологическое воздействие больше *именно на личностную сферу*, несколько пренебрегая субъектным уровнем психики клиента. Здесь можно предположить тенденцию к навязыванию если не личностных ценностей, то тех жизненных установок, которые, по их мнению, больше всего могут помочь в утверждении в будущем «самых правильных» и «жизненных» ценностей.

Здесь на ум приходит высказывание А. Камю, характеризующее в чем-то похожие мировоззренческие установки современных ему интеллектуалов Западной Европы: «Ценности не существуют сами по себе, они – результат становления... Вместе с их исчезновением (для интеллектуалов Запада. – *Н. Ш.*) пропадает и всякий предел, а поскольку взгляды расходятся, какими этим ценностям быть завтра, и поскольку без подобного тормоза (признания общих ценностей – *Н. Ш.*) борьба усугубляется до бесконечности, то сегодня безостановочно нарастает схватка различных видов мессианства, а их боевые кличи сливаются в сплошном грохоте столкновений между огромными империями» (Камю, 1988, с. 373).

Но ценности *становятся* не только во *времени* истории, но также и в *социокультурном пространстве*, в ходе расширяющегося (пространственно) диалога локальных культур, венчающегося диалогом цивилизаций, в котором может принять участие, по крайней мере, *сверхпассионарная личность*. (Психологам будет понятнее обращение к идее «самоактуализирующейся» личности Маслоу, которая, сохраняя принадлежность к определенной культуре, выходит на всеобщие «ценности Бытия» или «Б-ценности» и действует в соответствии с ними так, как если бы ее цели были целями всего человечества.)

Далее мы ставим *два вопроса*. *Первое*. В чем же состоит специфика указанных базовых детерминант психического (мотив, образ, общение и действие) на каждом из уровней миров человека? *Второе*. В чем заключается особенность *личностной регуляции* любых форм активности человека по сравнению с *субъектной регуляцией*?

Отвечая на *первый вопрос*, напомним, что, к примеру, *мотив* в *мире индивида* может осмысливаться в аспекте *анатомо-физиологических механизмов мотивации* – роль «центр голода» в гипоталамусе, реагирующего на концентрацию уровня белка в крови, роль подкорковых «центров рая» и «центров ада», а также функциональных блоков мозга в целом в регуляции активности и т. д.

Мотив на уровне субъекта вытекает из социальных требований каких-то видов профессиональной деятельности, ведущую роль здесь играет потребность преобразовать предмет в соответствии с имеющимся у человека арсеналом средств и способов деятельности, являющихся достоянием цивилизации и т. д.

Мотив же на уровне мира личности предполагает уже *увязку ряда мотивов* (доминирующие, подчиненные, ситуативные мотивы, отсюда феномен направленности личности и т. д.), а также наличие *экзистенциального аспекта мотивации*. Связь мотива с поддержанием существования личности в социуме в простейших *мотивах-потребностях* дополняется выходом на различные формы *со-существования людей*, что проявляется в *конвенциональных нормах* поведения личности, *мотивах-ценностях* и т. д.

В субъектном мире *образ* выступает как образ ситуации, предмета, в личностном – как «образ мира или его фрагментов», включая сюда и социальный мир и т. д. (Шадрин, 2014а, с. 160).

В мире индивида, субъекта и личности по-разному действует и специфична для человека детерминанта *общения*. Так, в *мире индивида*, характеризующегося «самостоятельной силой реагирования» (А. Н. Леонтьев), общение может проявляться как «комплекс

оживления» в конце новорожденности, а у взрослого (который есть «усложненный индивид») – как сформированная система условно-рефлекторных речевых реакций и т. д.

В субъектном же мире общение, будучи тесно связано с деятельностью, зачастую выступает в ипостаси координации действий в совместно-разделенной деятельности (*интерактивная сторона общения*).

Наконец, в *мире личности*, где широко представлена *интегративная* (В. А. Ганзен) функция психики, предполагающая «вписывание» личностного существования в формы совместного социального бытия людей, можно, видимо, говорить, о *ко-экзистенциальной стороне* общения. Она позволяет реализовать существование личности как ее *со-существование* (М. Бубер), воплотить ее все более со-участную позицию в социальном бытии вплоть до достижения *бытия-в-мире-миров* (или «бытия-события», по М. М. Бахтину), что является *конечной* интенцией личностного существования.

При этом *ко-экзистенциальный аспект* общения предполагает обмен некими коммуникативными посылами (знаково-зафиксированными посланиями) для установления «взаимного проникновения» двух личностных миров на базе их обращения к символически зафиксированному *опыту совместного существования в социуме*, в пределе же – к родовому опыту «бытия-события». Здесь как бы заключается некий «договор», основанный на взаимном проникновении двух личностных миров (расширении «моего» мира в сторону мира другого!), который предполагает в дальнейшем известное со-действие, со-понимание, со-переживание и т. д. двух личностей.

Ко-экзистенциальное общение на его *высшем личностном уровне* предполагает обращение к знаково-зафиксированным формам упомянутого опыта *родового (общечеловеческого) бытия-события*. Их мы могли бы назвать «эмоциональными знаками (символами) бытия», которые могут присутствовать, например, в художественных образах.

Поставим теперь *второй вопрос*: в чем же состоит *специфика собственно личностной регуляции* основных детерминант внутреннего мира человека (регуляция мотивации личности, ее образов мира, форм общения и деятельности и т. д.) в отличие от субъектной регуляции?

В целом она выступает как *личностно-смысловая регуляция*, при этом имеется в виду «проникновение» *глубинных личностных*

смыслов не только в область мотивов, которые становятся именно *мотивами-смыслами* в противоположность *мотивам-стимулам*, но и в сферу образов мира или его фрагментов, в сферу *общения и действия* (личностный смысл деятельности).

Вообще смысл есть «отношение меньшего к большему» (Б. С. Братусь). Именно поэтому смыслы есть не только в *мотивах* (мотивы-смыслы), но и в *образах мира* или его фрагментах (в том числе при понятийном воспроизведении мира) – везде, где есть «движение к большему», т. е. движение (хотя бы на уровне сознания) локального («фактического» в терминах экзистенциализма) существования к бытию и т. д. Смыслы вносятся в мотивы, образы мира, формы деятельности и общения *откуда-то из бытия* (из ответственного «бытия-события» личности, как сказал бы М. М. Бахтин), поэтому они фигурируют в какой-то мере и как «смыслы бытия», по крайней мере, на достаточно высоком уровне развития личности. (Вспомним «зовы» бытия у Хайдеггера и т. д.) Д. А. Леонтьев характеризует «смысл» как достаточно глобальное, «всеохватывающее» понятие психологии.

Общественно выработанные «значения» и смыслы «на равных» играют зримую роль не только в структуре сознания (А. Н. Леонтьев, В. П. Зинченко), но и в личностной регуляции активности человека.

Так, существуют не только *понятийные значения*, входящие в структуру образов мира или его фрагментов (соответственно, и в структуру сознания), но и *ценностные* (фактически мотивационные) значения, зафиксированные в мире культуры и транслируемые, как бы «предлагаемые» отдельным индивидам в качестве «модели должного». Преобладание смыслов над значениями частично присуще концепции смыслов Д. А. Леонтьева, которая имеет, пожалуй, чрезмерный экзистенциалистский уклон.

Но специфика личностной регуляции связана и с *феноменом воли*. Уже К. Левин, автор одной из первых теорий личности, разводил «полевое» поведение (трансформировавшееся в когнитивной психологии в «полезависимое») и *волевое, собственно личностное*. М. М. Бахтин, в свою очередь, говорил об «эмоционально-волевом», «утверждающем» отношении к ценностям на подлинно личностном уровне активности (ответственный поступок и т. д.). По его словам, «поскольку я утверждаю свое единственное место в едином бытии исторического человечества... я становлюсь в эмоционально-волевое отношение к признаваемым им ценностям» (Бахтин, 1986, с. 117). Это тип подлинно-личностной регуляции, где как раз и видна роль

воли. Эмоциональные же аспекты личностной регуляции выражаются в упомянутой смысловой регуляции, ибо эмоция выступает «индикатором» личностного смысла (А. Н. Леонтьев).

В то же время мы бы остереглись мыслить личностную регуляцию детерминант внутреннего мира человека как произвольную – последняя есть скорее регуляция субъектного уровня. Она проявляется, в частности, по отношению к образам (предметов, ситуаций): актуализация произвольного внимания при рассматривании объекта деятельности способствует успешному решению «предметно-деятельностных» задач и т. д. Можно отметить еще одну специфическую черту личностной регуляции – ее тесную связь с «интегративной функцией» психического, выделенной В. А. Ганзенем.

На данном этапе мы вкратце осветили специфику действия на уровне трех миров человека: *мира индивида, мира субъекта и мира личности* как самих базовых психологических детерминант (мотив, образ, общение, действие), так и общих регуляторных механизмов психики.

Что касается феномена индивидуальности, то проведенные ранее исследования в целом выявили такие значимые ее черты:

1. Индивидуальность – это неповторимое сочетание устойчивых психологических характеристик, отличающих одного человека от другого;
2. «Гармония частей есть основа индивидуальности» (В. М. Бехтерев);
3. Индивидуальность есть не только открытая система, но система «закрытая», вследствие внутренней взаимосвязанности ее свойств (в том числе на уровне личности, индивида, субъекта) (Ананьев, 2002, с. 274).
4. Исключительно важным параметром индивидуальности является возможность «экстериоризации внутреннего мира человека, его объективации» (Ананьев, 2002, с. 275), что ставит вопрос об активном включении содержания внутреннего мира в многообразии социокультурных миров.

В целом проявления действия каждой базовой детерминанты психического (мотивов, образов и т. д.) в ипостаси устойчивых психических параметров конкретного человека могут характеризовать различные черты индивидуальности на индивидуальном, субъектном и личностном уровнях. На индивидуальном уровне мы имеем свойства темперамента и лежащие в их основе анатомо-физиологические

свойства, а также задатки, на субъектном – способности, на личностном – систему ценностей и ценностных смыслов (ядро личности), а также характер и т. д.

Итак, мы можем выделить несколько основных методологических видений многообразия уровней миров человека (мир индивида, мир субъекта и мир личности) и их взаимосвязей.

С позиций научной рациональности второго типа, основанной на принципе эволюции и развития, указанные миры представляют собой лишь отдельные стадии эволюции мира человека и его индивидуальности. В указанной эволюции действует механизм снятия, опоры высшего уровня на достижения низшего, что отражает (с оговорками) положение дел.

Действительно, по Б. Д. Эльконину, ребенок рождается на свет лишь как индивид (новорожденный); далее, на этапе раннего детского возраста (от года до трех лет) он осваивает многообразие форм предметной деятельности (становление его внутреннего мира как мира-пространства активности субъекта); и лишь на этой основе он осваивает (сначала в форме ролевой игры) нормы и мотивы поведения в сообществе людей, становясь, таким образом, личностью (приблизительно в 3,5 года).

Личность может осмысливаться как результат трансформации логики поведения индивида («социализованный индивид», по А. Н. Леонтьеву и А. В. Петровскому), а затем и субъекта (лишь будучи субъектом многообразия форм предметной деятельности, человек может стать личностью, занимающей ответственную позицию в бытии социума!).

С позиций же неклассической научной рациональности внутренний мир личности представляет собой качественно особую форму индивидуального человеческого существования (на чем настаивает экзистенциализм), которое вначале реализуется в локальном пространстве непосредственных, житейских интересов человека («фактичность» существования), но содержит в себе и потенцию устремленности к бытию в целом («бытие-в-мире»). При этом речь должна идти не просто об абстрактном «бытии вообще», а о бытии в первую очередь социальном, опосредствованном культурой, на чем настаивает неклассическая культурно-деятельностная психология. Эта психология осмысливает единство «большого» и «малого» мира человека уже как единство универсального мира культуры и мира

высших психических функций, связанных отношениями интериоризации/экстериоризации.

С позиций же *классического понимания* мира как чего-то единого, однородного может быть осмыслено понимание *индивидуальности* как целостного *холона*, как единого, хотя и многоуровневого пространства внутреннего мира человека.

Постнеклассическая установка склонна осмысливать социальное (культурно-опосредствование) бытие личности как ее упорядоченное (по правилам и стандартам культуры и т. д.) *со-существование с другими* в контексте социального бытия. И здесь приходится несколько *корректировать* неклассическое понимания мира культуры как чего-то *всеобщего*, содержащего *универсальные* культурные требования.

Неслучайно один из сторонников культурно-исторической психологии Майкл Коул задается вопросом: «Культурное разнообразие: различия или недостаток различий?» (Коул, 2009, с. 66). Очевидно, что в культуре есть *и общее, универсальное*, т. е. нечто, действующее во всем объеме социокультурного пространства, но есть *и особенное* (т. е. *различия!*); значит, имеются *относительно локальные культурные миры*, содержание которых *также* может входить в содержание *психологического мира конкретной личности* в ходе интериоризации!

И здесь уже существенно важен *постнеклассический взгляд на мир человека как на «мир культурно-ментальных миров»*, некоторые из них являются относительно локальными, другие же – более глобальными, включающими многообразие миров целых социокультурных регионов (миры цивилизаций и т. д.).

И здесь, уже при учете четвертого, отмеченного нами параметра индивидуальности (возможность «экстериоризации внутреннего мира человека, его объективации», по Б. Г. Ананьеву) встает вопрос о том, *в социокультурные миры какого уровня и масштаба* может активно, творчески включаться конкретная личность, внося в них свой «вклад». (Вспомним теорию «вкладов» А. В. Петровского и В. А. Петровского.)

В этом плане индивидуальность характеризуется наличием особого аспекта «жизненного пути», несводимого к временной последовательности событий ее жизни (акцентируемой вторым типом научной рациональности) и представляющего скорее ее «путь» в разномасштабных социокультурных пространствах. (Тут уместна аналогия с понятием «путь файла» в информатике, который мыс-

лится как способ его включения во все более расширяющиеся области *информационного пространства* компьютера.)

Механизмы отчуждения, которые надо учитывать на уровне рассмотренной иерархии *мира человека* (мир индивида, субъекта и личности) в итоге таковы:

1. Отчуждение как редукция высших, личностных миров к низшим (индивидуальным и субъектным);
2. Отчуждение как связанная с этим потеря (ослабление) личностного способа регуляции активности и его подмена субъектным и индивидуальным способом.

Часто современный человек (обычно апеллируя к «силе обстоятельств») стремится не ответственно *со-существовать с другими как личность* в контексте различных, все более широких социокультурных миров, устремляясь так или иначе к решению задач социального бытия в целом, а лишь осуществлять *в качестве субъекта* такие *действия*, которые признаются социально полезными для данного социума и обуславливают получение минимума благ, обеспечивающих *запросы индивидного уровня* (физиологические и другие элементарные потребности).

Указанная *редукция* мира-пространства личности к нижележащим уровням миров – к миру интересов телесно-биологического индивида, а также субъекта деятельности – нарушает также *гармоническое единство и целостность индивидуальности* и является довольно частым в современных условиях проявлением отчуждения человека.

Рассмотрим теперь проблемы иерархии и единства в многообразии миров на уровне самой личности, что должно стимулировать *разработку модели отчуждения на его решающем, личностном уровне*, а также поиск путей его реального практического преодоления.

4. Уровни и формы личностных миров, способы их интеграции в индивидуальной жизнедеятельности и проблема разработки теоретической модели отчуждения на уровне личности

В предыдущем изложении было показано, что мир человека (личности) выступает двояко:

- 1) Как многоуровневый мир (пространство) психологических явлений и событий, разыгрывающихся на основе базовых психологических детерминаций (мотив, образ, общение, действие и др.);

- 2) Как *жизненный мир*, то есть как мир (пространство) разномасштабных форм ее со-существования с другими в контексте социума, опосредованных предметными формами культуры и социальной жизни.

Второй аспект связан с пониманием мира личности в широком жизненном контексте. По словам В. М. Розина, «частичность психологических представлений и схем как естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывал В. Дильтей, а позднее М. Бахтин и С. Аверинцев» (Розин, 2010, с. 101).

На начальном уровне развития мира личности у нее доминируют базовые, витальные и т. п. потребности и соответствующие им личностные смыслы и установки поведения (эгоцентризм, по Б. С. Братусю), как бы «перешедшие» с индивидуального уровня существования. Здесь можно говорить о почти полном *отчуждении* от мира *многообразных культурно-ментальных миров*, требующих минимально социального или просоциального поведения.

Согласно Б. С. Братусю, *эгоцентризм* предполагает то, что другие люди (соответственно, как мы понимаем, их личностные миры и их детерминанты – мотивы поведения, образы мира или ситуации и т. д.) значимы для человека лишь постольку, поскольку содействуют удовлетворению его потребностей элементарного плана (физиологические, материально-бытовые и т. д.). Если другой человек не содействует, а тем более препятствует этому, он рассматривается как «плохой», «чужой», «враг» и т. п. (Братусь, 1988, с. 99–100). На этой фазе преобладают такие мотивационные детерминанты, как примитивные, *ситуативные мотивы-потребности*, а образы мира сводятся скорее к образам ситуаций с их удовлетворения. Что касается детерминанты *общения*, то оно редуцируется здесь к «примитивному» или «манипулятивному» общению (по А. Б. Добровичу), в смысле манипулирования *личностными мирами* других. Как писал по этому поводу М. Бубер, «своевольный человек... не ведает о единении (Verbundenheit), он знает только изменчивый мир „там, на улице“ и свое лихорадочное желание использовать его... Когда он говорит „Ты“, он подразумевает: „Ты, подлежащий моему употреблению“» (Buber, 1966, S. 73).

Второй уровень личностных миров – группоцентрический (Б. С. Братусь); это мир клановых группировок и групп-корпораций (А. В. Петровский, Н. С. Шадрин), в который может включаться личность на определенном уровне существования.

Мотивы и смыслы, структурирующие «мир» личности в *группоцентрических мирах*, направлены уже на взаимоучет *элементарных* потребностей и интересов индивидов, входящих в группу, на координацию их удовлетворения под эгидой лидера, «старшего» и т. д. При разбиении пространства клановой группировки, в которую включено существование индивида, на несколько *несвязных* групповых пространств, возникает *отчуждение* личности, подмена единого Я несколькими «частичными» Я.

«Пространство событий» (как жизненное, так и сопряженное с ним пространство психологических детерминаций) здесь во многом ограничено жизнью этих семейно-клановых и т. д. группировок. Кроме того, личность здесь во многом *редуцирована к индивидуальным и субъектным мирам* (с их коллективными материально-бытовыми, физиологическими и т. д. устремлениями и целями), она как бы «исчезает» в них – вместо нее остается подчас «пустота», незаинтересованное «присутствие» по отношению к социальному бытию, напоминающее некое «отсутствие»! Это накладывает отпечаток и на способы *деятельности* личности, и на ее *общение* с окружающими, и на ее *образы мира*.

Проблематика *кланов* разрабатывалась еще Э. Дюркгеймом, а в настоящее время – Эдвардом Шатцем (Schatz, 2004). Особенности клана во многом *аналогичны* особенностям автократических групп в понимании К. Левина. К. Левин, развивая в американский период творчества свою *топологическую* парадигму мира личности и ее мотивации, ввел идею совместного «социального пространства» (social space) группы, понимаемого как пространство сосуществования и взаимодействия членов группы в условиях конкретных «групповых атмосфер» и стилей лидерства.

Итогом экспериментов К. Левина и его учеников с подростками был вывод о том, что в условиях автократической атмосферы «каждый ребенок становился потенциальным врагом каждого другого, и их энергетические поля (power fields) ослабляли друг друга вместо усиления друг друга посредством кооперации» (Lewin, 1948, p. 80). Здесь проявления инициативы и лидерства отдельных членов группы блокировались. Наоборот, «при демократической атмосфере различие в социальном статусе незначительно, и здесь не существуют барьеры, препятствующие обретению лидерства... В наших экспериментах в условиях демократии каждый индивид проявлял свою индивидуальность в относительно большей степени... В автократической группе, напротив, все дети обретали низкий ста-

тус без возможности проявления своей индивидуальности» (Lewin, 1948, p. 79).

Более глобальная интеграция личности в социум реализуется на уровне конвенциональных норм – предписываемых мотивов поведения, принятых по соглашению в достаточно широких по своему масштабу социальных, социально-территориальных, профессиональных и иных общностях. Здесь можно говорить о *нормативных мирах*. Это, например, «профессиональные миры» (В. А. Мединцев), миры, основанные на действии правовых норм (в государстве), широко распространенных обычаев, традиций и т. д.

По-прежнему, включаясь в группу и реализуя групповые способности деятельности, личность на этом этапе отказывается от группоцентрических, клановых установок – безусловное «подчинение» старшему в обмен на его покровительственные услуги (Абылхожин, 2007), стремление не проявлять инициативу и не брать ответственность на себя и т. п. При этом меняются все ее взаимоотношения и базовые психологические детерминации: мотивы выходят на уровень широко признанных конвенциональных норм, образы мира и его фрагментов, а также образы ситуаций пронизываются нормативными представлениями, общение же выходит на «конвенциональный» уровень (по А. Б. Добровичу и Т. П. Гавриловой).

Если эгоцентрический и группоцентрический уровень личностных миров можно сопоставить с «доконвенциональной» стадией развития нравственного сознания детей (по Л. Колбергу), то уровень, связанный с конвенциональными нормами, соответствует его «конвенциональной» стадии; наконец, более высокий ценностный уровень может быть сближен с «постконвенциональной» стадией развития.

Не обладая, как ценности, «абсолютным» характером, нормы тем не менее *выводят* мир личности за рамки узкого группоцентризма, ибо уже задают *позицию открытости*, связанную с учетом ожиданий (экспектаций) «посторонних» для данной группы людей. Так, работники торгового предприятия со здоровой психологической атмосферой не закливаются на удобных им, узкогрупповых «стандартах» поведения, а *открыты ожиданиям* покупателя («покупатель всегда прав»). Открытость есть и в действии *правовых норм* (в пределах государства), исходящих от законодательной власти как их авторитетного источника.

В то же время нормы менее генерализованы, чем ценности (по М. М. Бахтину, они формы «специальной ответственности»),

и почти исключают «сверхнормативную активность» (Р. С. Немов). В условиях современной *аномии* (понятие введено Э. Дюркгеймом, далее разрабатывалось Р. Мертоном) за пределами *нормативного мира-пространства науки* нередко оказываются различные «школы» (научные коллективы *группоцентрического* характера), мало стыкующиеся между собой, что подчас объясняют «сетевым принципом» организации науки!

Личностные ценности – это наиболее «генерализованные мотивы-смыслы» (Д. А. Леонтьев), «векторы, направленный в бесконечность» (И. А. Кудрявцев, Ю. А. Борисов, Д. А. Леонтьев), выводящие на универсальные духовные измерения мира человека (как бесконечного мира миров!). Они задают характер детерминант *высшего (духовного) уровня мира личности*. «Катарсическое воздействие» (по Л. С. Выготскому) ценностей и ценностных переживаний на всю толщу нижележащих побуждений, мотивов, импульсов и чувств, репрезентаций мира, затрагивающих бытие других (их социокультурные миры), мыслимо и как проявление высшей ответственности «бытия-события» личности (М. М. Бахтин). По сути, здесь можно говорить о свободе (самодетерминации) личности.

Именно по отношению к нормам ценности имеют характер генерализованных мотивов-смыслов. Так, политические ценности (ценности демократии, прав человека и т. д.) выступают как результат *обобщения* множества правовых норм, возможно, некоторых профессиональных норм (нормы врача и т. д.).

Все сказанное предполагает необходимость выстраивания *адекватной картины последовательной интеграции и включения друг в друга* тех разномасштабных социокультурных миров, в которых «ищет себя» существование личности, начиная с момента ее появления на свет на «малой родине»; здесь возникает вопрос о формах открытости становящегося мира личности более широким социокультурным мирам.

Так, можно говорить о мирах *локальных малых групп* (семейно-клановые группировки, группы-корпорации и т. д.), стабилизация существования на уровне которых не продуктивна для развития личности. Далее, это различные *поселенческие* (город, село, поселок) и *региональные культурно-ментальные миры* (миры культурных регионов внутри одной страны или же на пересечении территорий нескольких стран), *этнические миры*, наконец, *культурно-ментальные миры цивилизаций* в понимании О. Шпенглера, А. Тойнби и ученых-евразийцев (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский).

В социологии все чаще говорят о «социально-территориальных» (пространственных) общностях. Они имеют и свои культурологические характеристики, задающие те или иные *нормативные* (мотивационные) требования к поведению индивидов, а также *модели мира, формы общения, поведения* (что имеет отношение и к детерминантам психики).

Ненаучно говорить о «русской цивилизации» (нельзя подставить на место всей Евразии Россию в границах РФСР), а также «казахской» и т. д. Ведь *цивилизация есть социально-культурный комплекс большого пространственно-временного масштаба*, превосходящий территорию одного государства или ареал расселения одного этноса. (Кстати, в западноевропейской науке нет акцентирования «французской», «немецкой» или иной этно-ориентированной «цивилизации».)

Диалог ценностных систем на уровне цивилизаций формирует общечеловеческие ценности, значимые и с точки зрения перспектив становления постнеклассической (особенно гуманитарной) науки.

Сейчас говорят о *западноевропейской, евразийской, мусульманской, китайской или древнекитайской* (включающей в себя не только Китай, но и Японию, Вьетнам и т. д.), а также *индийской цивилизации* и т. д. Граница между западноевропейской и евразийской цивилизациями лежит, согласно ученым-евразийцам, в районе Карпат, где проходит нулевая изотерма января (самого холодного месяца года), так что западнее этой границы климат становится более теплым и мягким, а восточнее – все более приближающимся к резко-континентальному, характерному для Евразии в целом. Ясно, что критерии поиска границы цивилизаций здесь являются *не политическими* и даже не историческими, а строго географическими (см.: Евразийская ментальность, 2012).

Естественный *порядок включения* социокультурных миров в более широкие миры, вплоть до миров цивилизаций – это вопрос *науки* (культурология, антропология, социология, политология, социальная психология, психология цивилизаций и т. д.), а не политики.

Непрерывное *включение* деятельного существования личности во все более широкие культурно-ментальные миры, начиная с мира ее «малой родины» и кончая соответствующими локальными цивилизациями, ведущими «диалог» друг с другом, обеспечивает *все большую генерализацию самих психологических детерминант* этого мира. (Так, случайная и ограниченная по своему характеру мотивация, привязанная к интересам локализованного существования

личности, может подниматься до уровня *генерализованных* мотивов-ценностей – нравственные, политические, профессиональные, эстетические и религиозные ценности.)

Конечно, *основным «нервом» отчуждения* в нашей культуре сейчас является *группоцентризм, клановость* и т. д. При этом основу *психологии клана* (соотносимого также с «группой-корпорацией» А. В. Петровского), на наш взгляд, составляет *относительно замкнутая* система совмещенных и локализованных в *социальном пространстве* деятельностно-потребностных циклов индивидов (типа П–Д–П), связанных с удовлетворением и воспроизводством фонда их базовых и сопряженных с ними материально-бытовых потребностей и соответствующих смыслов деятельности. (Циклы «потребность–деятельность–потребность» анализируются и в работах Л. Сэва (1972, с. 72–73), Братуся (1988, с. 109–120) и др. Эти циклы интегрируются на уровне группы *топологическими* отношениями *объединения*, частичного или полного *включения* (так, деятельностно-потребностные циклы маленького ребенка поначалу почти целиком включены в таковые его родителей), *пересечения, смежности*. Можно говорить и о формировании *общего фонда смысловых образований*, или ОФСО в понимании С. М. Джакупова на уровне клановой группировки, что релевантно *замкнутому* смысловому *пространству*.

Ставя вопрос шире, отметим, что во многих евразийских социумах сейчас проявляются моменты *неравновесия* между четырьмя основными компонентами социально-экономического пространства (*производство, управление, рынок* и, наконец, *быт* как сфера окончательного индивидуального потребления материальных благ с целью воспроизводства рабочей силы). Среди этих четырех компонентов наиболее довлеющими на данный момент являются два: *быт* и *рынок*, во многом насыщаемый товарами, поступающими с международных рынков за счет продажи энергоносителей. Отсюда предлагается *модель «неравновесной бытокрайностной экономики»*, для которой характерно убыстренное накопление материальных благ в бытовой сфере (для наиболее успешных семейно-бытовых кланов!) за счет товаров народного потребления, поступающих из-за рубежа в обмен на энергоносители (Мироненко, 2009, с. 134–138). Все это глубже раскрывает формы отчуждения, порождаемые клановыми структурами, лидеры которых проникают не только в экономику, но и во властные структуры.

В клановой группировке наблюдается *реципрокность* (взаимность) отношений ее членов (включая отношения «младших»

и «старших») по принципу «ты – мне, я – тебе». Согласно Ж. Б. Абылхожину, здесь «господство и подчинение в пределах иерархической вертикали воспринимаются как само собой разумеющиеся во внутригрупповых отношениях между людьми, как... своеобразный эквивалентный обмен» (за послушание «снизу» – покровительство «сверху»). При этом о законе обычно забывается; сама реципрокность обязательств становится «законом».

При нормальном развитии, проектируя (реализуя) все более расширяющийся и более связный вариант своего мира, личность неизбежно трансформирует и совершенствует собственные психологические детерминанты его организации (мотивы, образы мира или его фрагментов, формы и способы действия, общения), придает им более генерализованный характер.

Однако в случае покровительства «старшего» ход трансформации и развития детерминант мира данной личности должен происходить в ключе его решений и «советов», благодаря чему теряется личностный, «самостный» характер этих детерминаций (происходит отчуждение).

Контроль за индивидом со стороны «старших» тут можно уподобить отчуждающему взгляду другого у Сартра (таким взглядом в его трактовке обладает, в частности, «хозяин», «мэтр»). Демонстрация «послушания» позволяет индивиду реализовать многие его материально-бытовые устремления. Все это свидетельствует о том, что мотивы индивида здесь выступают в основном как *мотивы-стимулы* (в понимании А. Н. Леонтьева), нацеливающие его на обретение каких-то материальных условий индивидуального существования; их смыслообразующая функция тут искажена.

При этом «*смысловое единение*» индивида с членами клана, как бы все время «ведущее» его по жизни, предполагает *отсутствие реальной «сопричастности»* мотивам и смыслам *остального* социума. Согласно Е. Н. Осину, «антонимом термина „отчуждение“... может выступать слово „причастность“...» (Осин, 2007, с. 100). Но в анализируемых формах оно выступает именно как «*при-частность*». Индивид здесь именно *при-частен* (своей группе и т. д.) и поэтому находится лишь «*при*» *части остального социума*, не открыт ему! При этом в число отчужденных смыслов, выступающих, если применить выражение Ф. Перлза, не как «фигура», а как смысловой «фон» личности, могут войти все конвенционально-нормативные смыслы поведения (законы, негласные правила общежития), а также объединяющие людей «макросоциальные ценности» (Д. А. Леонтьев), в частности,

цивилизационные и даже общечеловеческие. Все это свидетельствует о том, что *снятие* отчуждения при любых его стратегиях возможно лишь на пути *возвышения* группоцентрического личностного мира *по направлению к более масштабным, открытым и связным* нормативным и ценностным мирам!

Вместо заключения. О принципиально возможных путях преодоления отчуждения

Мне доподлинно известно, что каждый носит, ее, чуму, в себе, ибо не существует такого человека в мире... которого бы она не коснулась. И надо поэтому безостановочно следить за собой, чтобы, случайно забывшись, недохнуть в лицо другому и не передать ему заразы... И вот я говорю: существуют бедствия и жертвы, и ничего больше... Разумеется, должна существовать еще третья категория, категория настоящих врачей, но такое встречается очень редко, и, очевидно, это очень и очень нелегко. Вот почему я решил во всех случаях становиться на сторону жертв, чтобы хоть как-нибудь ограничить размах бедствия.

А. Камю. Чума

Отчуждение, как мы видели, выступает как *потеря* регуляторной роли личностного Я над *миром-пространством* активно-деятельного существования личности, что связано с потерей единства, связности и открытости этого мира (другим мирам), а также с несформированностью самих *рычагов* волевой, личностно-смысловой регуляции базовых *психологических детерминант* этого мира (мотивы, образы, формы деятельности и общения и т. д.), которые не должны быть отданы на откуп каким-либо *внешним силам* (экономическим стимулам и пр.).

Такой взгляд на проблему отчуждения достаточно всеохватывающ. Не вина автора, что одни психологи в силу фрагментарности их обращения к предмету психологии лучше видели аспект дистанцирования личностного Я от *повседневного общения* (формальное общение, по А. Б. Добровичу), другие – от ее профессиональной *деятельности* («синдром профессионального выгорания»), третьи акцентировали отчужденный характер *образа мира* и т. д. Даже сама феноменология (не говоря уже о теориях!) отчуждения несет роди-

мые пятна некой «разношерстности», что преодолимо в ходе устранения черт дезинтеграции психологического знания.

Но воссоздание *целостной*, «стереоскопической» картины внутреннего мира человека (открывающей перспективу анализа отчуждения) через синтез рассмотренных нами четырех типов научной рациональности в психологии во многом тормозится *болезненным характером становления постнеклассической психологии*. Последняя уже сама по себе содержит огромный интегративный потенциал, но предъявляет и гигантские требования как к степени выверенности категории ценностей в моделях личности, так и к самой личности *психолога-практика*.

Но практический психолог пока не очень обременен поиском указанной «стереоскопической», многогранной картины личностного мира, венчающейся ценностным уровнем, предпочитая обходиться одним–двумя базовыми понятиями, лежащими в основе его технологии.

Примером может служить оперирование тренером-психологом концептом «зависимость» (ее, кстати, можно рассматривать как некую форму отчуждения) во время семинара-тренинга перед слушателями-психологами (случай взят из реальной жизни).

Если опустить детали, то на первых занятиях было раскрыт смысл понятия «зависимости», подчеркивалось, что «работа с зависимостью» сейчас «рыночно востребована» (что бесспорно); затем говорилось о множестве *форм зависимости* в нашей жизни (что опять же верно): зависимость от компьютера, табака, наркотиков, компании друзей-сверстников и т. д. Далее излагалась наскоро разработанная концепция «механизмов» формирования и преодоления зависимости и, наконец, шли собственно сами тренинги на освоение навыков ее преодоления.

И только где-то на последнем занятии одному из слушателей удалось задать вопрос: а каких устойчивых *детерминант психики* касается так понимаемая «зависимость»? Искривленных форм мотивации? Образов мира? Форм общения? Действительно ли найден путь изменения мотивации, что, как правило, трудно? И не выпала ли здесь одна из важных детерминант психики, ибо отчуждение (соответственно, «зависимость» и пр.) *паразитирует на всех основных детерминантах* (соответственно, сферах) *психического* и нельзя преодолеть отчуждение в одном «психическом регионе» (Сартр), не преодолев его в другом? В итоге перед психологом встали вопросы, с которых он должен был *начать свою работу* над своей технологией.

Кончено, практик, работающий с клиентом, использует *не только* психологические понятия, но и понятия (идеи) собственно *технологические*. По А. В. Юревичу, «в статьях о самолетостроении цитируются другие статьи о самолетостроении, а отнюдь не работы И. Ньютона о законе всемирного тяготения, хотя без знания этого закона самолетостроение было бы невозможным ...» (Юревич, 2015, с. 154).

В технических науках «прикладным образом» применяется, строго говоря, не одна наука (физика), но несколько: химия (проблема коррозии металлов и пр.), математика и т. д. Строгий матаппарат (дифференциальное, интегральное исчисление и пр.) тут включает и уравнения математической физики (от них здесь не уйти), и уравнения, описывающие работу самой техники («основное уравнение движения транспортного средства» и пр.). Даже термин «*кандидат технических наук*» не осмысливается как «человек, знающий прикладные аспекты физики». Знания математики, химии и иных наук тут на равных.

Но термин «практический *психолог*» завязан именно на применение в психологии. Почему же за все «технологические изгибы и ходы мысли» этого специалиста, за допускаемые им упрощения, ошибки должна отвечать именно психология с ее почтенной историей и предысторией?

Здесь можно предложить отказаться от самого термина «практическая психология» как *общего* (и где-то ненужного) *наименования* таких дисциплин, как *психодиагностика, психологическое консультирование, психологическая коррекция и психотерапия*. (Хотя названия указанных дисциплин должны остаться.) Риск этого термина и в близости понятию *praktische Menschenerkenntnis* (синоним житейской психологии); в версии одного молодого врача-терапевта, умеющего найти подход к каждому клиенту (и особенно клиентке), последняя выглядит так: «Я психолог: вот наука!..» (см. «Фауст» Гете). Не имеется ли в виду, что практический психолог «знает психологию на *практическом* уровне», т. е. ровно настолько, чтобы заинтересовать и одновременно не оттолкнуть клиента?

Логичнее под практической психологией понимать все прикладные области психологии, включая промышленную, эргономическую, педагогическую психологию, психологическое консультирование, клиническую психологию и др. (Л. Д. Столяренко).

Проблематичен и термин «*психотерапия*» (не в *медицинской* ее ипостаси), *формально почти дублирующий* термин «психиатрия».

Не слишком ли много появилось «врачевателей души», хотя ту же проблему отчуждения личности увидеть зачастую некому! Человеку можно помочь (опираясь на достаточно радикальные методы, как это и предполагается в психотерапии) только перестраивая всю его жизнь (на уровне личности, субъекта, индивида), а не только «психику». Неслучайно на Западе говорится о *дазайн-анализе, экзистенциальном анализе, гештальт-терапии, личностно-ориентированной терапии* и т. д.; в самих этих терминах не подразумевается упор на «психику», ибо личность, индивид и т. д. имеют не только психологические, но социальные и другие измерения.

К тому же *средства технического воздействия* в психотерапии явно абсолютизированы – на фоне того, что *почти не уделяется внимания ценностным аспектам* (что противоречит критериям постнеклассической науки) и даже опоре всего процесса на психодиагностическое обследование (где, кстати, *валидизация* методик, основанная на научных ценностных установках, повисает в воздухе).

Отчуждение предполагает дисбаланс в «игре» чисто психологических детерминант (мотив, образ, действие, общение) и детерминанты *личности*, которая ими в какой-то мере управляет, но не является чисто психологическим образованием.

В связи с этим *нельзя уходить от социокультурного* (и социально-политического) *аспекта генезиса отчуждения*. С этих позиций хотелось бы остановиться на таком движении на Западе, как «антипсихиатрия».

Согласно А. М. Руткевичу, основатель этого течения Р. Лэйнг «пришел к выводу, что социальная реальность (современного ему общества. – *Н. Ш.*) в целом безумна, что больные являются куда более здоровыми, чем «нормальные» обитатели этого мира» (Руткевич, 1985, с. 135).

С подобных позиций отчуждение, тот же «экзистенциальный невроз» и другие внутренние дисгармонии могут рассматриваться как во многом порождаемые социально-политическими и социокультурными факторами, и поэтому средствами «чистой» психологии, психотерапии их не решить. Ненормальность общества есть именно ненормальность общества, и не надо подпитывать иллюзию, что вот-де психотерапевт своими методами подправит что-то «внутри» психики человека (вспомним модель «подкожного человека»), и все будет хорошо, а патология окружающего личностью социума тут ни при чем. Что и говорить, позиция удобная!

Не соглашаясь вполне с Р. Лэйнгом, приведем одно его высказывание, касающееся возможности *самой постановки проблемы генезиса отчуждения в современном социокультурном контексте*. «Человек, предпочитающий быть скорее мертвым, чем красным, нормален. *Человек, говорящий, что он потерял душу* (т. е. частично осознал отчуждение! – *Н. Ш.*) *сошел с ума* (курсив наш. – *Н. Ш.*). Человек, говорящий, что люди – это машины, может быть великим ученым. Человек, говорящий, что *он есть* машина (осознание отчуждения как автоматизма повседневной деятельности. – *Н. Ш.*), является на психиатрическом жаргоне „деперсонализированным“...» (Руткевич, 1985, с. 133–134).

Если обратиться к вынесенному в эпиграф высказыванию А. Камю, то «чума» – это символ *отчуждения* (затрагивающего каждого), а различные «бедствия», вызывающие «чуму» и порождающие ее «жертв», – это разного рода социокультурные факторы отчуждения. Как показано в многочисленных работах автора, к этим факторам в современных евразийских обществах можно отнести роль рассмотренных выше кланово-корпоративных структур, обуславливающих недостаточную широту, связность и открытость жизненного пространства личности, а также проявления «бытократической экономики» с элементами посредничества или «рынка». (Когда повседневная экономическая жизнедеятельность индивидов во многом ориентирована на убыстренное бытовое накопление, весьма успешное для части семей, за счет массы товаров народного потребления, поступающих на внутренний рынок из-за рубежа благодаря продаже энергоносителей.) (см.: Шадрин, 2014б).

Проблеме отчуждения в психологии в целом до сих пор все-таки не очень везет. Так, в капитальной монографии А. Г. Асмолова «Психология личности» (2007) объемом 528 страниц (!) о психологическом отчуждении личности как таковом не говорится, автор обращается скорее к *политологической* проблематике «фанатичного общества» (как видно из контекста, в основном советского), и именно здесь говорится о «механизмах отчуждения». При этом речь идет о нежелательных механизмах «психологической защиты» и индифферентности людей при встрече с фанатиками, в том числе советского образца; видимо, с точки зрения автора, к ним нужно относиться не столь толерантно (Асмолов, 2007, с. 486–490).

Проблематика роли клановости, группоцентризма в генезисе отчуждения личности обретает какую-то особую, трагичную остроту в связи с событиями на Украине. Наблюдающееся на фоне

этих событий политически насильственное «отчуждение» *целого культурного региона* проживания индивидов, их «малой родины» (Донбасс) от объемлющей его цивилизации (евразийская цивилизация) и «впихивание» его (в интересах наиболее влиятельных кланов Западной Украины) в *чуждую ему* западноевропейскую цивилизацию означают так или иначе отчуждение гармонично становящегося культурно-ментального мира личности от него самого, т. е. *личностное* само-отчуждение! Это пример формы отчуждения, обусловленного силовыми политическими воздействиями кланово-олигархических структур, которое не преодолеть, посадив человека в кресло психотерапевта.

Это не значит, что психологически ориентированные технологии вообще не должны применяться в качестве одного из путей преодоления отчуждения (хотя при этом имеет значение создание целостной, многогранной и «многомирной» модели мира личности!). Примером является та же *логотерапия* Франкла, нацеленная на преодоление ноогенных неврозов и «экзистенциального вакуума». Свою технологию Франкл называет технологией парадоксальной интенции. Мы, со своей стороны, наши техники преодоления отчуждения предпочитаем называть *ко-экзистенциальными техниками*: они направлены на наращивание меры со-участной позиции личности в социуме (которая чаще всего начинается с уровня группоцентристских миров), что ведет к расширению масштабов, меры связности и открытости мира личности, к постепенной генерализации его базовых психологических детерминант (мотивы, образы, формы общения и т. д.) и усилению степени их личностной «управляемости»; а это и есть путь преодоления отчуждения (Шадрин, 2014б, с. 119–121)

Литература

- Абылхожин Ж. Б. Инерция мифотворчества в освещении советской и постсоветской истории Казахстана // Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2007. С. 52–131.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2002.
- Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2002.
- Арнольд В. И. Математические методы классической механики: Учебное пособие для вузов. М.: Наука, 1989.

- Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.
- Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
- Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
- Бурлачук Л. Ф. Психологические тесты в Украине. Причины затянувшегося кризиса // Материалы республиканской научно-практической конференции с международным участием «Аутодеструктивное поведение в подростковом и юношеском возрасте: пути и перспективы превентивной коррекции». Алматы: Изд-во КазНПУ им. Абая, 2012. С. 11–14.
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1 / Под ред. А. Р. Лурии, М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
- Данин Д. Приобщение ко времени // Пути в незнание. Писатели рассказывают о науке. Сборник 10. М.: Советский писатель, 1973.
- Джакупов С. М. Психология познавательной деятельности. Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1992.
- Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000.
- Дубровский В. Н. Концепции пространства-времени: Физический и философский аспекты. М.: Наука, 1991.
- Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.
- Евразийская ментальность / Под ред. В. Ф. Петренко, И. Н. Карицкого. М.: Информполиграф, 2012.
- Ждан А. Н. Интервью журналу «Педагогика и психология» (Казахстан). 2010. № 2. С. 64–65.
- Кабрин В. И. Антропологическая судьба субъекта // Методология и история психологии. 2010. № 1. С. 52–69.
- Камю А. Изгнанничество Елены // Избранное: Сборник / Сост. и предисл. С. И. Великовского. М.: Радуга, 1988. С. 371–374.
- Котова И. Б., Канаревич О. С. Общая психология. Учебное пособие. М.: Изд-во «Дашков и К^о», 2011.
- Коул М. Теории социокультурно-исторического деятельностного развития в эпоху гиперболизации // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 66–73.
- Корнилова Т. В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии? // Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцин-

- ковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 11–125.
- Корнилова Т. В. Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. М.: Изд-во Юрайт, 2011.
- Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком // Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 430–528.
- Леонтьев Д. А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. № 3. С. 120–140.
- Мединцев В. А. Субъектно-диалогическая модель внутреннего пространства личности // Вопросы психологии. 2011. № 3. С. 100–112.
- Мироненко И. А. Об источниках сомнений в прогрессе психологии // Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 126–143.
- Мироненко И. А. Субъект и личность: о соотношении понятий // Методология и история психологии. 2010. № 1. С. 140–155.
- Мироненко И. А. Кризис психологии – системный или локальный? // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 201–216.
- Никитич Л. А. История и философия науки. М.: Юнити-Дана, 2008.
- Осин Е. Н. Отчуждение как психологическое понятие // Третья Всероссийская научно-практическая психология по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007. С. 97–100.
- Пряжников Н. С. S#\$ или личность в эпоху продажности. Учебно-методическое пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2000.
- Розин В. М. Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 90–103.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Изд-во «Педагогика», 1973.
- Сэв Л. Марксизм и теория личности. М.: Прогресс, 1972.
- Рудкевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру. М.: Политиздат, 1985.
- Шадрин Н. С. Проблема детерминации (самодетерминации) поведения в культурно-исторической и экзистенциальной психологии // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 113–122.

- Шадрин Н. С. Мир личности и проблемы интеграции ее деятельного существования в многообразии культурно-ментальных миров // Наука и мир. 2014а. № 9. С. 159–165.
- Шадрин Н. С. Потерянный и возвращенный мир: об отчуждении личности и путях его преодоления: монография. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2014б.
- Эйнштейн А. Собр. научных трудов. Том 1. Работы по теории относительности. М.: Наука, 1965.
- Юревич А. В. Интервью журналу // The Unity of Science. International Scientific Journal. 2015. № 2. С. 152–154.
- Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1985.
- Buber M. Ich und Du. Köln: Verlag Jacob Henger, 1966.
- Lewin K. Resolving Social Conflicts. Selected Papers on Group Dynamics. N. Y.: Happer & Brothers publishers, 1948.
- Schatz E. Modern clan politics. Seattle, 2004.